

Мова і культура

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Випуск 3

ТОМ

1

Київ
2001

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. — М.: Просвещение, 1983. — 324 с.
2. *Василевская Л.И.* Метонимия в собственных именах. — Проблемы структурной лингвистики. 1982 / Отв. ред. Григорьев В.П. — М.: Наука, 1984. — С. 110-120.
3. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): Монография. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 331с.
4. *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 312 с.
5. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. — М.: Современник, 1979. — 412 с.
6. *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Иллариона. — К.: Наукова думка, 1984. — 240 с.
7. *Обнорский С.Б., Бархударов С.Г.* Хрестоматия по истории русского языка. — Ч. 1. — М., 1952. — 416 с.
8. *Подольская М.В.* Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 200 с.

Шостак О.Г.

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Язык — это наиболее сложный и емкий документ психофизической жизни, поскольку именно в нем «запротоколированы» тончайшие и глубочайшие нюансы внутренней, а подчас глубоко скрытой и забытой жизни не просто одного отдельно взятого индивидуума, но целого народа, а порой эта граница раздвигается настолько широко, что затрагивает глубинные пласты касающиеся жизни всего человечества. Создавая язык, человеческое мышление отождествляло все живое и неживое, оперируя очень сложной системой символов. Многие из этих символов древнейшего знания находятся в закодированном состоянии в семантических системах современных языков.

В наиболее «открытом» состоянии информация о древнейших знаниях находится в фольклорных произведениях. Здесь сфокусировались и формулировались древнейшие человеческие верования, связанные с представлением о круговороте жизненных форм, с идеей вторичного рождения в новом качестве, с идеей обязательной смерти всего живого для его дальнейшего возрождения. Эти «вечные» темы пронизывают самые разные проявления культурной жизни современного человечества и прежде всего — обряды, народную поэзию и литературу.

Следует сказать, что в древние времена особой магической силой обладало слово. С точки зрения современного сознания крайне трудно объяснить семантическую структуру языка, построенную на аналогиях. Весь фольклор построен по принципу параллелизма. Утратив ключ к пониманию принципов построения этих параллелей, крайне трудно уловить связь между однокоренными словами в различных языках.

Как отмечает М.М. Маковский «анализ миров есть средство выявления первичных структур сознания» [1]. А эти структуры были общими для многих народов мира. Сравнительно-историческое изучение широкого круга мифов учеными-культурологами позволило установить, что в мифах различных народов мира, при чрезвычайном их разнообразии, целый ряд основных тем и мотивов повторяется, что, на наш взгляд, дает основание говорить о едином первоисточнике мифов, а в дальнейшем и религиозных верований, которые базируются на этих мифах. Кажущаяся алогичность, произвольность мифологической фантазии, на наш взгляд, объясняется именно тем, что осмысление и обобщение явлений происходит в мифе по семантическим эмоционально-ассоциативным рядам.

Мифологическое мышление присутствует в сознании каждого современного человека, являясь его неотъемлемой, а часто и просто доминирующей частью. Мирча Элиаде пишет о том, что «сам по себе миф, как и символы, которые он приводит в действие, никогда полностью не исчезал из мира психики; он просто меняет свой аспект и маскирует свои действия» [2, 27]. Именно эта особенность мифа и мифологического мышления явилась причиной возникновения литературного течения символизм, ибо истинный символ, по мысли А.Ф. Лосева, никогда не является прямой данностью вещи, или действительности, но ее заданностью не с самой вещью, или с действительностью, как порождением, но ее порождающим принципом. «Выражаясь чисто математически, символ является не просто функцией (или отражением) вещи, но функция эта разложима здесь в бесконечный ряд, так что, обладая символом вещи, мы, в сущности, обладаем бесконечным числом разных отражений, или выражений вещи, могущих выразить эту вещь с любой точностью и с любым приближением к данной функции вещи» [3].

Историки религии затрудняются дать такое определение мифу, которое было бы принято всеми учеными и в то же время было доступно и неспециалистам. Хотя все они сходятся на том, что миф — это одна из сложных реальностей культуры, изучать которую можно в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах. «Миф излагает сакральную историю, повествует о событии произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал». Миф рассказывает каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только... фрагмент. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то». Миф говорит только о происшедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило» [4, 19-20].

Важным аспектом творения было слово. Знание особого священного языка играло важную роль в заговорах и заклятиях. «В заговорах мы погружаемся в первоначальную человеческого существования в мире — в то, для чего, наверное, только поэты смогли найти емкие формулы, назвав его «пра-прасущностью» (Юлиан Тувим), «первовечностью» (Райнер Мария Рильке), «Матери» (Иоганн-Вольфганг Гете)» [5]. Заговоры, заклятия — наиболее действенные отголоски мифа в народном фольклоре, в них повторяется акт создания или уничтожения чего-либо в этом мире, что, собственно, и является сущностью мифа. Заклинающий

уподобляется созданию, культурному герою мифа. «Персонажи мифа — существа сверхъестественные. Они общеизвестны, так как они действуют в легендарные времена «начала всех начал». Миф раскрывает их творческую активность и обнаруживает сакральность... их деяния. В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные проявления священного в этом мире. Именно эти проявления явились реальной основой создания мира и сделали его таким, каков он есть сегодня» [4, 20].

Заклятия берут свои истоки с древних времен, исследователи находят в них влияния вавилонские и халдео-иудаистические, влияние Талмуда и Каббалы, на закланиях более позднего периода отразилось христианство. Первоначально заклания были несамостоятельны по своей сути, они были словесным сопровождением ритуала. Ритуал — это драматизация мифа, его «инсценировка» в лицах. Миф — это своего рода вербализация ритуала, его истолкование в слове. В дальнейшем, особенно после широкого распространения христианства, слово начинает приобретать самостоятельное значение. Слово, оторвавшееся от образа, приняло на себя дополнительные функции. Оно должно само, без помощи действия, выразить магический смысл заговора. «Отсюда утрата поздними заговорами целого ряда структурных элементов и сосредоточенность особого внимания только на двух из них — призывании и приказе» [6].

К сожалению, рамки доклада ограничены, и нельзя рассмотреть много примеров, подтверждающих изложенные постулаты, поэтому мы предлагаем вашему вниманию два наиболее ярких, на наш взгляд, подкрепив их фольклорными и литературными иллюстрациями.

Согласно теогонии многих народов, первоисточником всего живого на земле является Божественный Огонь:

Отец — огонь. Сын — огонь. Дух — огонь.

Три равны, три нераздельны.

Пламя и жар — сердце их.

Огонь — очи их.

Вихрь и пламя — уста их.

Пламя Божества — огонь.

(Н. Рерих «Заклятие»)

Согласно верованиям древних славян, огонь был проявлением солнечного бога на земле, послем Неба на земле, древние памятники называют огонь Сварожичем, то есть сыном бога Неба Сварога. Митрополит Илларион пишет о той важной функции, которую огонь играл в жизни наших предков: «Вогонь Святый, Божий, праведний, тому вдавнину ним робився Суд Божий, що перейшло і до християнських часів, і було поширено за середніх віків, бо вірили, що невинний не згорить на вогні. ... При вогні не прийнято говорити непристойного, бо вогонь Святый... Залпалюючи вогонь в печі, господина хрестить його й ставить горщик води, — жертва вогню...

Вогонь частий ще й тепер у ритуальних наших обрядах і має в них велику очищувальну силу, тому через нього скакали в Купайлову ніч. Вогні Великого Четверга та Великодньої ночі — це очищення землі від нечистоти» [7].

Согласно христианскому учению, рай недоступен из-за кольца огня, окружающего его или из-за ангелов с огненными мечами, охраняющих вход в него. «Господь, — говорит Локтаций — изгнал человека из рая, окружив рай огнем, чтобы человек не имел туда доступа». ...Таким образом, кто бы ни хотел войти в рай, должен сначала пройти через огонь, окружающий его. Другими словами, лишь тот, кто очищен огнем, может войти в рай, потому что очищение предшествует мистическому единению, и мистики, не колеблясь, ставят очищение

души на ту же плоскость, что и очищающий огонь на пути в рай» [2, 73-74]. Мирча Элиаде находит, что «сходный символизм можно увидеть в целом ряде технических приемов шаманизма — тех, которые касаются хорошо известного овладения огнем» [2, 74]. Жрецы древнейших верований, шаманы в моменты экстаза в состоянии пройти по горящим углям и даже проглотить эти угли. Владение огнем в такой степени является «превышением пределов человеческого состояния», тем самым шаман демонстрирует окружающим, что он поднялся до уровня бестелесного духа, т.е. возвращается к своему изначальному состоянию. Исследователь пишет: «Сравнимая очищающий огонь, окружающий рай в христианских учениях, с шаманской властью над огнем, мы увидим, что, по меньшей мере, одно общее у них есть. Как в первом, так и во втором случае, безнаказанное прохождение сквозь огонь является признаком того, что человек вышел за рамки человеческого состояния. Но в христианстве, так же как и в архаических учениях, настоящее состояние человека является следствием «падения». Следовательно, даже временный выход из этого состояния равнозначен вхождению в положение первобытного человека; другими словами, аннулированию времени, возвращению обратно и вхождению в райский *illud tempus*» [2, 75].

В сложных мифологических системах мифологизируется сам огонь, который становится объектом религиозного поклонения. Так, в индуистской и ведийской мифологии Агни — бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. По числу упоминаний в «Ригведе» Агни занимает второе место после Индры, ему посвящено около двухсот гимнов. Агни — главный из земных богов, персонификация священного огня, стоит в центре основного древнеиндийского ритуала. Основная функция Агни — посредничество между людьми и богами, ибо Агни — божественный жрец: жертвенный огонь возносит жертву языками пламени на небо.

В древнеиранской маздеистской (зороастрийской) религии огонь выступает как священная стихия, как воплощение божественной справедливости. В германско-скандинавской мифологии огонь связан с образом трикстера Локи. Трикстер — это человек или животное, лукавый, способный к оборотничеству хитроумный персонаж, существующий в мифах всех континентов. Часто он выступает под маской божества или полубога одной из великих религий. «В мифах всех категорий трикстер выступает как второй творец мира или части мира, а главным образом играет роль того, кто испортил творение верховного божества» [8]; иными словами, образ, который мифология связывает с огнем, часто является инициатором начала исторического процесса на земле, выходом из бездумного существования и началом творческой эволюции человеческого духа.

Римская мифология олицетворяла неугасимый культовый огонь и огонь домашнего очага в образе богини Весты, при чем неугасимость, т.е. непрерываемость огня в храме Весты соблюдалась настолько строго, что весталка, жрица храма, по чьей вине огонь потух, каралась смертью. В греческой мифологии роль владычицы домашнего огня была дарована богине Гестии, а иногда эти функции исполняла Деметра, богиня плодородия. В греческой мифологии было еще одно олицетворение огня — это огонь ремесла, представленный в облике бога-кузнеца Гефеста (аналог римского Вулкана). Связан с огнем и титан Прометей, похитивший его с небес и обучивший пользоваться им людей, по другой версии мифа именно Прометей создает людей из глины и оживляет их с помощью похищенного у олимпийцев огня, в данном случае огонь является аналогом жизни. Обучает людей добывать огонь и герой древнегрузинского эпоса Амирани, за что он, так же как и греческий Прометей, был прикован к скале в пещере Кавказских гор, где его истязает орел, клюющий печень.

М.М. Маковский в своем словаре мифологической символики в индоевропейских языках дает цепочки слов, в которых подтверждается связь между понятием Вселенная (мир) и глаголом гореть: др.-инд. *loka* «мир», но др.-инд. *roka* «гореть», др.-англ. *walp* «мир», но др.-верхненем. *waelan* гореть, др.-англ. *feorh* «Вселенная», но англ. *spark* «искра».

Слова со значением «огонь» могли использоваться в значении «чистый» (имеется в виду очищение огнем): др.-инд. *ravanas* «очищающий», но также и огонь; *ravakas* «чистый», светлый, очищающий, но также «огонь»; греч *pur* «огонь», но латинский *purus* «чистый». Понятие чистоты, истинности нередко связано с понятием огня как очищающей стихии: ср. осет. *sygdooe* «настоящий, святой» и *sygyn* «жечь»; гот. *sunja* «истина» соотносится с корнем *su* — огонь во многих языках. *Su* авестийское — «огонь», «свет», осет. *sygyn* «жечь». Интересно, что значение «гореть» может давать значение «родить, народ», а это последнее переходит в значение «другой». Ср. латыш. *kaitet* «гореть», др.-ирландск. *heit* «горячий» и литовский *kitas* «другой», русск. диал. котить «рожать».

Значение «таинство» также может соотноситься со значением «огонь»: латыш. *lipt* «гореть», «жечь», но *slaps* «тайна», др.-ирл. *tepe* «огонь», но русск. тайна, и.-е. *teg-* «огонь», но также «скрывать» и «тайна», лат. *occultus* «таинство», но и.-е. *kel-* «гореть», др.-англ. *gupa* и и.-е. *gug-*на «таинство», но лат. *gogus* «костер».

В ряде случаев значение «огонь» соотносится со значением «змея»: ср. латыш. *kaitet* «гореть», чеш. *had*, русск. гад, и.-е. *ater-* «гореть», но англ. *adder* «змея», лат. *ignis* «огонь», но др.-инд. *ahi* «змея», др.-англ. *lieg* «огонь», но др.-нем. *slango* «змея».

Символ змея является универсалией не только для архаических культур. Воспринятый большей частью через библейскую традицию и иконопись, он вошел в культуру нового времени, сохранив свойственную ему издревле амбивалентность: сочетание зла, хитрости, коварства и в то же время мудрости, всеведения.

Символ змея представлен почти во всех мифологиях, он связывается с плодородием, землей, женским производящим началом, водой, дождем, с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесным), а также мужским оплодотворяющим началом — с другой. «Так известное в искусстве верхнего палеолита противопоставление змей и птиц, получившее продолжение в раннеевразийском искусстве (птицы и змеи, как животные верхнего и нижнего мира) и отразившееся в позднейших мифологических сюжетах, сменяется образом летучего, крылатого или «пернатого» змея — дракона, соединяющего в себе признаки змеи и птицы» [9]. У символистов этот древний образ актуализировался, что было вызвано их особым вниманием к мифу, установкой на «мифотворчество» и эсхатологическими настроениями, находившими выражение в апокалиптической символике. Знаменательно, что В. Иванов рассматривал символистское искусство как воскрешение древнейшего мифотворчества, анализ символа как знака, иллюстрировал именно символикой змеи. Змея олицетворяет собою не только мудрость, она «имеет знаменательное отношение одновременно к земле и воплощению, полу и смерти, зрению и познанию, соблазну и освящению» [10, 247]. В. Иванов связывает этот образ с космогоническим мифом, в котором «каждый аспект змеи-символа находит свое место в иерархии божественного всеединства» [10, 248]. Символ змеи был положен в основу созданного З. Гиппиус мифа о собственной душе («Она»); змей у Вл. Соловьева в «Песне о Фитов» предстает в ореоле платонического культа. К. Бальмонта больше привлекают мексиканские мифы о змее («Кецалькоатль», «Женщина-змея»); в цикле «Зменные очи» Ф. Сологуб разрабатывает библейский пласт символики; у В. Брюсова этот образ выступает метафорой любовного дурмана («Прохожей»). В лирике Блока

вокруг символа змеи создан устойчивый семантический комплекс, который реализуется в трех вариантах. В первую очередь, змея выступает как искусительное женское начало, как ипостась «страшного мира», прохождение через который — необходимый этап жизненного пути героя, своеобразное «испытание». Во-вторых, любовь «змеиной девы» демонична, а потому гибельна, и, в-третьих, змея у Блока соотносена со стихийным природным началом, приобщение к которому ведет к познанию народной души, национальной стихии.

В сказочно-мифологической традиции змея часто связана с огнем, а змеей предстает как существо огневое (огненные крылья летучего змея, палящее огнем дышание, его место обитания — возле огненной реки или огненного озера).

Существует несколько уровней восприятия образа змея. В первую очередь, это фольклорно-мифологическое осознание змея как хранителя тайны (в мифологических системах змеи отнесены к низу мирового дерева и изображаются в корнях его, в результате чего змея стала устойчивым символом подземного царства, хранительницей тайн прошлого). В комментариях к «Українським заговлянням» М.О. Новикова отмечает: «Змеи — во-первых, властители нижнего царства, со своим почтом, войском и неисчислимой прислугой. Во-вторых, он властелин всякой болезни и страсти. В-третьих, «натурально» связан с водной стихией, змеей (вообще уж не «натурально») связан также со стихией огня. С одной стороны его пугают и истребляют огнем, с другой стороны — он сам огонь, «огненный бугало», полет которого «ліси палить, землю сушити, а трави в'ялити». Тут выразительно просматривается двойственная символика купальского мифа, в котором сплелись вода и огонь, змеей лежащий и змеей летучий, ритуал очищения и обрядовый эротический разгул». ...Именно для змея, змеиного царства, змеиных символов типичным является полное смешение (а значит, и снятие) даже таких кровноязыческих противопоставлений Пользы-Вреда. Змеей и помощник и вредитель, а точнее, он персонаж той культурно-мировой эпохи, когда это противопоставление еще четко не выкристаллизовалось» [11].

Атрибутика змея в народном фольклоре носит персонафицированный характер и потому змеей наделен долгим списком имен: Ярица, Веретеница, Илгана, Елена, Савул, Вольга и др. Анализ этих имен обрисовывает широту значений, которым древние обозначали змея. Остановимся подробнее на анализе двух имен: Вольга и Елена. Имя Вольги амбивалентно по своей сути — связано оно, во-первых, со славянским именем Ольга, кроме того, несет в себе аллюзию с древнерусским богатырем Вольгой — победителем змея. Следует особо подчеркнуть, что богатырь этот — сам сын змея, поскольку был зачат вследствие того, что его мать наступила на змея во время прогулки по саду.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что в народных закланиях змеиная царица и змеиный царь называются библейско-христианскими именами, в том числе именами правительниц, принесших христианскую веру в свои государства, за что они были канонизированы церковью — это имена Елены Константинопольской и княгини Ольги. С этим, считает Новикова, связан еще один атрибут змея: он «единственный персонаж закланий, которого просят не только что-то сделать, но и чему-то научить» [11]. Именно потому имена двух цариц-просветительниц стали именами царицы-змеи, хранительницы и дарительницы мудрости.

Символ змея соотносим и с библейской традицией. В Ветхом Завете есть повествование о том, как Господь наказал лихих сынов Израиля за неповиновение и ропот против божьих милостей, послав на них ядовитых змей, и лишь по молитве Моисеевой Господь указал на избавление: «Сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив.

И сделал Моисей медного змея и выставил его на зная, и когда змеей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив». (Числа 21:8-9).

В Новом Завете Иисус Христос сравнивает себя с этим змеем: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесена быть Сыну Человеческому» (Иоан. 3:14). Эта сторона образа змея не столь широко известна, потому что чаще всего в человеческом восприятии змей ассоциируется с грехопадением, хотя даже в Новом Завете змеей выступает как символ мудрости, сам Христос дает заповедь своим ученикам: «и так будьте мудры, как змии» (Матф. 10:16).

Существует еще один пласт понимания символа змея, менее знакомый западному исследователю. В «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватской читаем о том, что Змий есть символ мудрости и оккультного знания. «Змий соединялся с богом мудрости с самых ранних времен, о котором мы только имеем исторические данные. ...И наги экзотерического буддизма не являются «баснословными тварями из природы змий... превосходящими человека и поэтому считаются покровителями закона Будды», но они настоящие живые люди, причем некоторые из них именно превосходят людей, благодаря своему Оккультному знанию, и являются охранителями Закона Будды, поскольку они правильно объясняют его метафизические положения, другие же, будучи морально ниже, являются «черными магами» [12]. Традиционно культ нагов связывали с плодородием земли, водой и производимым женским началом, сам «культ был сложен и многослоен, в нем отпечатались следы многих тысячелетий. И сквозь них вырисовывался наг как символ мудрости, Учитель или культурный герой...» [13].

В словаре М. Маковского приводится ряд семасиологических универсалий, которые подтверждают вышеизложенные факты.

Змея могла иметь эсхатологическое значение и символизировать судьбу и предзнаменования судьбы. Ср. лат. colubra «змея», но ирл. cel, др.-ирл. heill «предзнаменование», др.-верхненем. slango, но др.-инд. laksana «предзнаменование».

Змея была символом Вселенной, ср. лат. Anguis «змея», но авест. anghu- «Вселенная», чеш. had, русск. гад «змея», но авест. Gaeru- «Вселенная».

Змея отождествляется с понятием жизни и смерти, ср. лат. colubra «змея»: первая часть этого слова соотносится с осет. соегуп «жить», а вторая — с др.-англ. libban «жить», литов. gyvate «змея», но хет. kis(a) «быть, жить, существовать», латыш. suska «змея», др.-инд. ahi «змея», но хет. ak- «умереть», англ. snake «змея», но и.-е. пек- умереть. Интересно, что в арабском языке змея и жизнь обозначаются словами, которые происходят от одного корня араб. el-hayahh «змея» и араб. el-hayat «жизнь», ср. также лат. Vivipere «змея» и vivere «жить».

Змея символизировала также и Мировой разум: ср. др.-инд. ahi- «змея», но гот. aha «разум», и.-е. og- «змея», og-мел: русск. ум, укр. розум.

Понятие змеи соотносится с понятием души. Ср. гот. ah-ma, инд. atma «душа», но др.-инд. ahi «змея».

Змея была объектом поклонения, приравнивалась к божеству: кельтск. geb- «сакральное действие», и.-е. ag-, др.-инд. ahi «змея», но и.-е. ag- «сакральное действие», англ. snake «змея», но хет. pahhan «религиозный страх, уважение к божеству», нем. slango «змея», но др.-англ. las «сакральный акт», лат anguis «змея», но нем. Angst «религиозный страх», чеш. had, русск. гад «змея», но др.-англ. hadian «освящать».

Слова со значением «змея» могут соотноситься со значением «звук», звук считался символом творящего божества. Ср. русск. змея, но тохарское kam «звук», др.-инд. ahi «змея», но и.-е. ag, лат. ad-agiū «говорить». Поскольку змея считалась творцом мироздания, вполне понятно соотношение этого понятия с понятием

«слово, язык», ср. др.-верхне-нем. slango «змея», лат. lingua «язык».

Земля может отождествляться с небом: ср. лат. colubra «змея», лат. caelum «небо» + валл. Wybr «небо», но нем. Himmel «небо», чеш. had «змея», но англ. диал. Gad «радуга, небо».

Историками выдвинута теория о трех типах мышления, последовательно сменявших друг друга: мифологическом, религиозном и научном. «Мифологическое мышление было самым ранним и как бы фундаментальным, составившим основу двух других» [14]. Современный язык сохранил огромное количество свидетельств тому. Язык является ценным источником и материалом, позволяющим заглянуть в тайны мироздания и человеческой души. Загадки, волновавшие не одно поколение живущих на этой планете, могут быть разрешены с помощью углубленного рассмотрения соотношения мифологического наследия с языковыми универсалиями. Изучение этого вопроса дает возможность сделать неожиданные открытия. Мы считаем, что языковые семасеологические универсалии, несущие в себе неоспоримое доказательство того, что с незапамятных времен существует единый источник мудрости, из которого черпали все народы, создавая свои собственные творения, объясняющие мир и мироздание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. — М., 1996 — С. 18.
2. *Элиаде Мирча.* Мифы. Сновидения. Мистерии. — М., 1996.
3. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. — М., 1976. — С. 12.
4. *Элиаде Мирча.* Аспекты мифа. — М., 1996.
5. *Новікова М.О.* Прасвіт українських замовлянь // Українські замовляння. — К., 1993. — С. 8-9.
6. *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. — Л., 1991. — С. 68.
7. *Митрополіт Іларіон.* Дохристиянські вірування українського народу. — К., 1992. — С. 31-32.
8. *Элиаде Мирча, Кулиано Ион.* Словарь религий, обрядов и верований. — М., 1997. — С. 124.
9. *Иванов В.В.* Мифы народов мира: В 2 т. — М., 1991. — Т. 1. — С. 468.
10. *Иванов В.* По звездам: Статьи и афоризмы.
11. *Новикова М.О.* Коментар // Українські замовляння. — К., 1993.
12. *Блаватская Е.П.* Тайная Доктрина. — Рига, 1936. — Т. 2. — С. 38-39.
13. *Шапошникова Л.В.* Учителя // Утренняя Звезда. — М., 1993. — № 1. — С. 7.
14. *Шапошникова Л.В.* Живая Этика и научное мышление // Утренняя Звезда. — М., 1997. — С. 158.